

Михаил Мицель

Запрет на увековечение памяти как способ замалчивания Холокоста: практика КПУ в отношении Бабьего Яра

В 1960-е гг. совокупность нескольких факторов привела к росту общественного интереса к теме уничтожения украинского еврейства в период Второй мировой войны. Одним из особенных и наиболее действенных приемов борьбы системы с этой «угрозой еврейского буржуазного национализма» стало табуирование всех видов деятельности, связанных с увековечением памяти жертв Холокоста. В данном исследовании проливается свет на методы и способы этого табуирования, а также формулировки, созданные партийной пропагандистской машиной и использованные вплоть до конца советской эпохи.

Государственная идеология СССР после Второй мировой войны характеризовалась установками правящих элит на редуцирование исторической памяти, на замалчивание недавнего прошлого. В первую очередь, это относилось к катастрофическому Голодомору, Большому террору, депортациям этнических групп и Холокосту. Успехи в развитии военно-промышленного комплекса и в военно-патриотическом воспитании трудящихся нисколько не отражались на моральном состоянии советского общества, которое отличалось равнодушием и презрительным отношением к судьбам как отдельных людей, так и целых этносов. Увековечение памяти жертв нацистской политики поголовного истребления еврейского населения на протяжении всего послевоенного периода существования СССР оказывалось неразрешимой проблемой, в первую очередь из-за про-

водимой правящей партией политики непризнания особой участи евреев в период войны. Представляется необходимым изучение этого послевоенного феномена как существенной составляющей государственной политики в СССР.

Анализ документов, выявленных нами в Центральном Государственном архиве общественных организаций Украины (ЦДАГОУ), еще не позволяет выстроить целостную картину отношения партийных органов Украины к вопросам цивилизованного увековечения памяти жертв Катастрофы в 1940–1950-х гг. Однако фрагментарные сведения, отложившиеся в фондах различных ведомств, показывают, что республиканские и местные власти в условиях отсутствия официальной законодательной базы реализовывали негласные директивы, соответствовавшие послевоенной антисемитской политике ВКП(б). 1947-м годом датируются первые отказы властей в Полтавской, Одесской, Черниговской и других областях на просьбы об установке памятников замученным землякам. В 1946 г. в Тернополе еврейское население города собрало средства на благоустройство могилы расстрелянных немцами евреев. Был установлен памятник с надписью: «Вечная память и слава евреям, павшим от рук немецких фашистов». Это стало предметом рассмотрения на бюро Тернопольского обкома КП(б)У¹. Обычай игнорировать законные просьбы появился в период сталинских юдофобских кампаний конца 1940-х гг. по разоблачению «космополитов». В июле 1948 г. прихожане Камене́ц-Подольской иудейской общины обратились в Верховный Совет СССР, ЦК ВКП(б) и ЦК КП(б)У с жалобой на произвол местных властей, где среди прочего было указано:

«В 1946 году, в день, когда мы просили председателя горсовета дать нам возможность отметить траурный день, когда наши матери, отцы и безвинные дети были в массовом порядке расстреляны и замучены, нам в этой просьбе отказали.

В течении трех с лишним лет мы проходим по улицам города и топчем надгробные памятники наших предков с еврейскими надписями, которыми были вымощены во время немецкой оккупации тротуары города, и когда мы обратились с просьбой об изъятии этих памятников с заменой их другими камнями, мы получили отказ и на эту просьбу.

Неоднократные просьбы дать возможность скромно упорядочить братские могилы, где похоронены наши отцы и где заживо закопаны десятки тысяч наших родителей, братьев, сестер и детей, где земля содрогалась от ужаса и страха, — пройдет еще год и нельзя будет узнать место, ямы зарастают бурьяном и травой, постепенно исчезает след и память, — данный вопрос остался на сей день неразрешенным»².

Информация о подобных сюжетах не представлена единым массивом, а находится в фондах различных министерств и ведомств: чаще всего в документах уполномоченного Совета по делам религиозных культов, особого отдела ЦК и административных органов. Сталинскую эпоху закономерно завершает датированная 6 марта 1953 г. (следующий день после смерти Сталина) «Справка о результатах проверки анонимного письма о наличии в гор. Корсунь-Шевченковском сионистской организации» за подписью заместителя министра внутренних дел УССР С. Мильштейна. Особый характер ее тексту придает фраза о «сборе средств среди еврейского населения на постройку в гор. Корсунь-Шевченковском памятника евреям-«героям», погибшим в период немецко-фашистской оккупации»³. Из справки следует, что к марту 1949 г. было собрано 2550 рублей от 89 человек. Впоследствии по указанию районных властей эти деньги были сданы в доход государства.

Однако, в первые послевоенные десятилетия в некоторых местах (например, в Хмельницкой и Винницкой областях) еврейские активисты все же устанавливали памятники убитым землякам. В те годы выработался особый подход: с целью избежания прямой конфронтации с властями памятники устанавливались в пределах еврейских кладбищ, и поскольку эти места в большинстве случаев посещались только евреями, то строгого контроля над содержанием надписей не существовало. Часто тексты были только на языке идиш, что еще больше ограничивало вероятность проверки. Попытки сооружения памятников за пределами кладбищенских оград властями пресекались.

В силу масштабности трагедии, ставшей одним из символов геноцида, наибольший общественный резонанс вызывал Бабий Яр. Особое значение определялось нахождением Бабьего Яра в городской черте Киева.

Представленная в этой статье несколько детализированная, но все еще фрагментарная картина событий 1960–1980-х гг. опирается на более широкую документальную базу, чем картина событий 1940–1950-х гг. Анализируемые нами документы партийных органов создавались для определенного круга номенклатурных работников, компетентных в определенных вопросах согласно своим должностным обязанностям. При анализе отложившихся документов следует учитывать, что обычный метод реконструкции событий на основе документальных и опубликованных источников в данном случае применим с одним существенным уточнением. Цитируемые документы не в полной мере отражают характерную для партийных органов особую атмосферу нетерпимости, где принятие решений было обусловлено не только практической необходимостью, но и тщательно закамуфлированным под «борьбу с сионизмом» обычным антисемитизмом⁴.

На обилие материалов в советской периодике по данной тематике рассчитывать не приходится. В опубликованном Б. Пинкусом в 1980 г. документальном исследовании «Советское правительство и евреи. 1948–1967»⁵ использовались публикации не только центральной, но и региональной советской прессы. Составителям авторитетного сборника не удалось выявить в открытой печати какие-либо упоминания о постановке памятников; в книге приводятся отрывки из литературных произведений, и тема обозначается только через призму полемики литераторов (Е. Евтушенко и В. Некрасова в конце 1950-х гг., А. Кузнецова в середине 1960-х гг.) с властями.

Абсолютная монополия советского государства на все виды информационного пространства (печать, радио, телевидение) толкала тех, кому были небезразличны события недавнего прошлого, на действия, квалифицировавшиеся властью как «проявления еврейского национализма и сионизма». Отсутствие законодательно оформленной системы запретных мер вовсе не означало, что в этом, как и во многих других случаях, власти не имели руководящих установок. Выработанная в последнее десятилетие сталинского режима политика нивелирования трагедии евреев усваивалась идеологическими наследниками, не подвергаясь изменениям при очередной ротации номенклатуры.

В 1960-е гг. совокупность нескольких факторов способствовала повышению общественного интереса к теме уничтожения украинского еврейства в период немецкой оккупации 1941–1944 гг. Одной из наиболее действенных форм этнонациональной политики правящей системы по отношению к евреям стало табуирование любых видов деятельности, связанных с памятью жертв Катастрофы. В общественном сознании оккупационная политика нацистов должна была представляться как направленная на уничтожение всех без различия советских людей. В советских газетах немало писалось о массовых убийствах, совершенных гитлеровцами, например, в период судебного процесса над А. Эйхманом — однако по большей части о преступлениях за пределами оккупированной части СССР. О политике уничтожения на советской земле сообщалось намного меньше, главным образом в связи с процессами над коллаборационистами, но и в этих сообщениях еврейский аспект затушевывался. Упоминание об особой судьбе евреев было строго дозированным и возможным только в рамках общего контекста.

Руководители разных уровней использовали социальную демагогию, основанную на принципах так называемого пролетарского интернационализма, который отказывал в праве на достойное упоминание только определенной группе — евреям. Эту мысль предельно ясно сформулировали

руководители Черновицкого горсовета, когда вызвали в октябре 1965 г. инициаторов установки памятника расстрелянным в июле 1941 г. землякам-евреям. Общественная группа смогла собрать средства и установить постамент. Внимание организаторов было обращено на то, что «сооружение памятника по национальному признаку противоречит нашему мировоззрению»⁶. В итоге было принято следующее решение:

«Щоб не ображати почуттів людей, рідні і близькі яких були розстріляні в м. Чернівцях та не допустити небажаної реакції з боку єврейської частини населення, обком КП України вважає за необхідне залишити вже побудований постамент і нанести на ньому пам'ятний напис приблизно такого змісту: «На цьому місці німецько-фашистські загарбники в 1941 році розстріляли біля 900 жителів м. Чернівців»⁷.

В конце 1965 г., вероятно в связи с оживлением интереса к теме войны, вызванным недавним масштабным празднованием 20-летия Победы, некоторые областные архивы по просьбе ЦК КПУ подготовили краткие справки «О массовых убийствах советских граждан немецко-фашистскими оккупантами». Соотечественники, современники и участники событий 20-летней давности вновь знакомились с данными, которые были выявлены в облгосархивах, в актах районных и городских комиссий по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков. Краткие архивные справки представили ЦК КПУ как исторические факты, так и положение с увековечением памяти жертв.

Приведем пример по Кировоградской области:

Гайворонський район, с. Хащевате

Кількість розстріляних — 968

По національному складу — євреї

З них мирних жителів — 968

Що встановлено на могилі — пам'ятник

Що пропонується встановити —

Кущовка

Кількість розстріляних — 6000

По національному складу — євреї

З них мирних жителів — 6000

Що встановлено на могилі — нічого

Що пропонується встановити —

Еще один пример по Луганской области:

По городу Луганску:

На протяженні листопада 1942 року — січня 1943 року в районі Острої Могили розстріляно 1901 чоловік, із них євреїв — около 1000 чоловік, жителів і радянських воїнів — 901 чоловік⁸.

Одним із інструментів нивелювання особливостей єврейської трагедії було згадування євреїв в кінці списку жертв фашизму. Вероятно, в рамках тієї ж кампанії 1965 г. по збиранню інформації про місця масових розстрілів В. Никитченко, голова КГБ при Раді Міністрів УРСР інформірував першого секретаря ЦК КПУ П. Шелеста:

«Матеріалами попереднього і судового слідства встановлено, що на околиці г. Києва в Бабьому Яру було знищено більше 100 тисяч українців, росіян, поляків, євреїв і інших національностей»⁹.

Начавшись в 25-ю річницю масових розстрілів мітинги в Бабьому Яру спочатку застали місцеві влади врасплох, і після двох неорганізованих мітингів (1966 г. і 1967 г.) Київський горком партії провів 29 вересня 1968 г. першу організовану масовку «з метою вшанувати пам'ять радянських громадян, розстріляних і закатованих німецько-фашистськими загарбниками, а також попередити дії деяких націоналістично настроєних громадян єврейської національності»¹⁰. Київський інженер Б. Кочубієвський після закінчення останнього мітингу вступив в дискусію з ходившими навкруг «сотрудниками в штатском» і швидко був арештований. Йому пред'явили звинувачення в клеветі на радянську владу і радянський державний і суспільний устрій. 13 травня 1969 г. в ході судового процесу підтримуваний звинувачення прокурор Сурков уособлював особливу увагу на тій частині звинувачення, якою інкримінувала Кочубієвському його виступлення в час річниці трагедії в Бабьому Яру. Кочубієвський заявив, що жертви Бабього Яру — це не просто жертви фашизму, це — жертви геноциду. Він назвав Бабий Яр символом єврейського народу і заявив, що «здесь лежить частина єврейського народу». Ці слова були предметом особливого возмущення прокурора і керівництва, які вважали їх «сионістською, буржуазно-націоналістичною пропагандою»¹¹.

Спустя майже рік після мітингу в Бабьому Яру і три місяці після суду над Б. Кочубієвським, на сторінках «Вечірнього Києва» 9 серпня 1969 г. з'явився рідкий для київської преси матеріал — рідкий, оскільки для місцевої преси теми Бабього Яру не існувало. С. Фельдман, автор статті «З чужого голосу», написав, що «люди слухали промовців, таврували

ганьбою гітлерівських виродків, які по-звірячому знищили тут, у Бабиному Яру, тисячі радянських громадян — росіян, українців, євреїв».

Примеров таких ранжированных перечислений можно привести немало. Ограничимся мнением руководителя республики. 28 октября 1971 г., выступая при вручении ордена Ленина г. Львову, П. Шелест упомянул об уничтожении евреев Галичины, поставив, как обычно, наиболее явную и массовую жертву в конец перечня, добавил к традиционному списку по Украине и белорусов, малочисленность которых в Западной Украине была очевидной:

«Ці мерзенні запродавці [українські буржуазні націоналісти — ММ], вислужуючись перед своїми хазяями, стали катями українського народу. Тільки у Львові за їх участю було знищено понад 150 тисяч мирних жителів — українців, росіян, поляків, білорусів, євреїв»¹².

Начиная с 1966 г., со времени первого митинга в Бабьем Яру, где открыто, в полный голос представители украинской интеллигенции заявили об антисемитизме и равнодушии государства к потребностям евреев, проблема Бабьего Яра приобрела новое измерение. Группа, от которой требовалось молчание или согласие с властями, устами активистов движения за право на эмиграцию стала выражать свои требования, в том числе — на создание мемориала.

Попытки критического осмысления трагического прошлого рассматривались как явное нарушение идеологического канона, как происки и измышления «лиц произраильской ориентации». При этом идеологический аппарат не смог выработать мотивированного обоснования запретительных мер, используемая аргументация была неубедительной.

24 апреля 1969 г. отдел пропаганды и агитации ЦК КПУ оформил информационную справку «Про так зване єврейське питання в УРСР». Первый секретарь ЦК П. Шелест распорядился ознакомить с ее текстом членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПУ. Девяностостраничный машинописный документ в какой-то мере помогает уяснить уровень представлений руководящего звена о событиях Второй мировой войны, а также стиль аргументации. Система заставила внести атрибуты рассчитанной на массового потребителя пропаганды в закрытый документ с грифом «секретно», предназначенный для ограниченного круга читателей (20 человек). Стоявшая перед отделом агитации и пропаганды ЦК КПУ задача была следующей: объяснить спецчитателям, что

«так зване “єврейське питання” в СРСР, зокрема на Україні, є ні чим іншим, як вигадкою і наклепом на нашу радянську дійсність. Ніякого

«еврейського питання» в тому значенні, як його розуміють наші вороги, в СРСР не існує»¹³.

В качестве методологической базы использовались традиционные для того времени сочинения, в том числе громкие «труды», изданные в 1960-х гг. в Киеве: Т. Кичко «Иудаизм без прикрас» (Киев, 1963); «Правда про іудейську релігію» (Киев, 1965)¹⁴. Однако, с поставленной аналитической задачей сочинители справки не справились, поскольку в тексте нет ни строчки, объясняющей подлинные причины роста эмиграционной активности еврейского населения во второй половине 1960-х гг.

Массовое уничтожение еврейского населения интересовало составителей только в контексте демографических изменений. Так, их внимание привлек тот факт, что процент евреев, проживающих в населенных пунктах городского типа (в современных границах УССР) вырос с 74% в 1929 г. до 95,4% в 1959 г. По этому поводу авторы справки пишут:

«І це незважаючи на те, що чисельність єврейського населення в УРСР скоротилася втричі, головним чином внаслідок виїзду євреїв до інших союзних республік у 20–30-х роках, евакуації населення на Схід на початку Великої Вітчизняної війни, а також винищення єврейського населення гітлерівцями»¹⁵.

Таким образом были поставлены в один ряд совершенно несопоставимые факторы: если процессы выезда в другие союзные республики и эвакуации были характерны и для остальных этнических групп Украины, то данные о полутора миллионах убитых на оккупированной территории касались только евреев. Наиболее важный фактор был сознательно поставлен в конец списка. Составители справки при этом сослались на работу В. Наулко «Етнічний склад населення УРСР». Между тем, работа В. Наулко отличалась редкой для того времени научной принципиальностью и серьезностью. Важно показать, как составители справки «творчески» переработали соответствующий отрывок из текста В. Наулко:

«Чисельність єврейського населення в Українській РСР скоротилася втричі, головним чином внаслідок масового знищення євреїв німецько-фашистськими загарбниками під час окупації України, а також внаслідок евакуації населення на початку Великої Вітчизняної війни та виїзду євреїв до інших радянських республік у 20–30-х роках»¹⁶.

Нетрудно заметить, что выброшенные слова «головным чином» и измененный порядок причин падения численности еврейского населения изменили и понятийный ряд: массовые убийства и миграционные процессы стали равнозначными явлениями.

Составители справки были вынуждены дать какое-либо толкование гибели украинского еврейства, и в результате появился абзац, в котором при всяком удобном случае уникальность геноцида отрицалась:

«В роки другої світової війни нацисти винищили загалом у різних країнах близько 6 млн. євреїв [УРЕ, т. 5, с. 8]. Точних статистичних даних про винищення єврейського населення німецько-фашистськими загарбниками на території України під час війни не існує. У відомому фашистському плані “ОСТ” передбачалося знищення російського народу і онімечення тієї його частини, що має явні ознаки нордичної раси, переселення західних українців у Сибір, повне знищення самого поняття “євреї” тощо. Євреї винищувалися разом з українцями, росіянами, циганами та представниками інших національностей. Під час війни загинули сотні тисяч радянських людей. За деякими відомостями, лише у Києві німці знищили близько 70 тис. євреїв, в Харкові — 16 тисяч. В одному лише Ровно гітлерівці розстріляли 102 тисячі радянських громадян різних національностей, в тому числі й євреїв»¹⁷.

Утвердження о том, что «расстреливали в том числе и евреев» показалось авторам недостаточным, и для узкого круга читателей — членов и кандидатов в члены политбюро — было предложено еще одно объяснение, а именно: небольшой процент еврейского населения в западноукраинских областях объяснялся их массовым участием в послевоенных репатриационных процессах, в которых они «называли себя поляками и чехами». Оказалось, что уменьшение численности еврейского населения до минимального уровня можно объяснить склонностью евреев к перемене мест, не утруждаясь упоминаниями о геноциде:

«Відомо, що внаслідок здійснення у післявоєнній роки угод про репатріацію поляків та чехів з СРСР, тільки до Польщі в період з 1944 р. до 1948 р. було репатрійовано понад 1 млн. 526 тис. чол., причому з УРСР більше половини — 784 700 чол. Можна припустити, що серед репатрійованого населення було багато євреїв, які, називаючи себе поляками і чехами, виїжджали з СРСР до Польщі і Чехословаччини з метою більш легкого виїзду з цих країн до Палестини, де в той час точилася боротьба за утворення єврейської держави (офіційно Ізраїль був утворений 14 травня 1948 р.).

Можливо, цим пояснюється, наприклад, те, що зараз у Волинській, Івано-Франківській, Рівненській і Тернопільській областях республіки єврейського населення майже не існує, а в Хмельницькій області воно становить лише 1,1% (19 000). В той же час матеріали двох польських

переписів 1921 і 1931 рр. про віросповідання свідчать, що іудаїсти становили в цей період у Волинському воєводстві 11,6% — 11%; у Станіславському воєводстві 10,5% — 9,4% і у Тернопільському воєводстві 9,0 — 8,4%»¹⁸.

Ету фальсифіцированную версію можно было легко проверить доступными источниками об остаточном еврейском населении ко времени освобождения населенных пунктов и областей. Так, во Львове к моменту освобождения осталась в живых только тысяча евреев; при желании эти и другие данные можно было выявить в ведомственном архиве Института истории партии при ЦК КПУ.

При таком подходе к памяти жертв Катастрофы, когда государство намеренно искажало действительность и запрещало своим гражданам чтить память погибших, рождались формулировки, в которых стремление поставить монумент объявлялось «религиозно-националистическим явлением»:

«Про релігійно-націоналістичні явища в деяких синагогах говорять і такі факти, як намагання служителів Київської синагоги виступати від імені усього єврейського населення (95–96% якого атеїсти) ініціаторами збору пожертвувань на спорудження пам'ятників євреям, що загинули під час німецько-фашистської окупації»¹⁹.

Определение «еврейский вопрос в СССР» состояло из комбинации нескольких компонентов, в представлении советского социума сложились стереотипы: эмиграция является предательством СССР; евреи занимают ведущие посты в обществе и склонны к антисоциальным поступкам; их претензии на особый подход, в том числе по отношению к Бабьему Яру — еще одно свидетельство «идеи избранного народа, идеи сионизма».

Всего два предложения понадобились львовянину М. Марковскому, чтобы изложить свой взгляд на проблему Бабьего Яра, когда в марте 1974 г. он обратился с письмом к писателю В. Некрасову. Гораздо четче невнятного бормотания партийных органов «патриот СССР» В. Марковский сформулировал то, что с точки зрения КПСС, оправдывало ее политику:

«Вы собирались писать о Бабьем Яре. Может быть, Вы солидарны с симпатиками Израиля, с требованием о свободном переселении советских евреев в Израиль?»²⁰

В середине 1970-х гг. под влиянием нескольких причин: внутреннего давления со стороны малочисленных противостоявших режиму общественных сил, необходимости «упредить действия еврейских националистов» и внешнего натиска различных западных кругов власти были вынуж-

дены вернуться к вопросу о строительстве монумента в Бабьем Яру. В письме в ЦК КПУ от 18 сентября 1974 г. секретарь Киевского горкома КПУ А. Ботвин так обосновал необходимость сооружения памятника:

«В связи с тем, что в настоящее время лица еврейской национальности, так называемые “отказники”, вынашивают идею создания общественного комитета по сбору средств для сооружения памятника в Бабьем Яре, в газете “Вечірній Київ” накануне 29 сентября будет опубликован материал о проекте памятника и его строительства»²¹.

После завершения строительства монумент получил официальное название «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным немецкими фашистами в Бабьем яру, памятник». Рядом с памятником была установлена бронзовая плита с надписью: «Здесь в 1941–43 годах немецко-фашистскими захватчиками были расстреляны более ста тысяч граждан города Киева и военнопленных». Открытие состоялось 2 июля 1976 г.

Надпись и многофигурная композиция из бронзы соответствовали партийно-идеологической концепции истории Бабьего Яра, общественная дискуссия не предусматривалась, голоса несогласных с архитектурным и смысловым решением услышаны не были.

* * *

Идеологическим работникам приходилось вести полемику не только с отдельными гражданами СССР, противившимися несвободе в стране, но и с иностранными туристами, которые довольно активно обсуждали неудобные темы, и мнение которых фиксировалось при составлении отчетов о пребывании туристических групп в СССР.

В системе нескольких советских учреждений, осуществлявших наблюдение за поведением и настроениями иностранцев, видное место отводилось Всесоюзному акционерному обществу «Интурист» и Бюро международного молодежного туризма «Спутник».

Помимо выполнения основных задач: организации транспорта, сервиса, проживания, экскурсий, перед «Интуристом» ставились требования индоктринации туристов. Создание позитивного образа СССР, кратковременная идеологическая обработка при обслуживании иностранных туристов относились к числу приоритетов. На иностранных посетителей пытались воздействовать гиды-переводчики «Интуриста», большинство из которых не были готовы к прямой конфронтации, не могли ответить на

простые вопросы, но, согласно правилам, были обязаны информировать в письменном виде о настроениях туристов.

С середины 1950-х гг. фиксируются приезды туристов-израильтян и евреев из США, Великобритании, Франции, Аргентины, Канады и других стран на Украину. Они, как правило, посещали синагоги, чем приводили в замешательство руководство общин и уполномоченных Советов по делам религиозных культов. Информация, которую иностранцы получали из первых уст, от простых жителей Украины передавалась дальше и формировала малопривлекательный образ Советского Союза на страницах западной периодики.

О количестве иностранных туристов в УССР в 1960-х гг. дает представление таблица из «Отчета о работе Управления по иностранному туризму при СМ УССР за 1967 г.», сравнивающая 1966 и 1967 гг. (данные только о визитерах из «капиталистических» стран)²²:

<i>№ п/п</i>	<i>Страна</i>	<i>1966 год</i>	<i>1967 год</i>
1.	Великобритания	1640	2306
2.	Израиль	922	151
3.	США	9349	8099
4.	ФРГ	4914	6314
5.	Франция	7003	8730

Уровень организованных посещений по линии «Интуриста» не менялся десятилетиями, хотя и спадал в период особой конфронтации. Спустя десять лет, в 1978 г. в Киеве побывало свыше 40 групп туристов из США (всего около 1300 человек), состоявших, в основном, из «лиц еврейской национальности»²³.

Эти тысячи туристов (в большинстве своем люди, располагавшие временем: пенсионеры, представители свободных профессий, студенты и преподаватели) — беспокоили Комитет госбезопасности. Для нейтрализации возможного воздействия с их стороны КГБ УССР разрабатывал специальные мероприятия. П. Шелест, по должности наиболее охраняемый человек в республике, свое нежелание отрываться от народа в Первомай 1972 г. (последний в его карьере в качестве первого секретаря ЦК КПУ) изложил таким образом:

«2 квітня 1972 р. прийняв Крикуна, першого заступника голови КДБ УРСР. Обговорювали питання підготовки до першотравневих свят; з метою забезпечення безпеки КДБ пропонує відсунути трибуну вглиб на

4–5 метрів. Я не погодився, сказав, що якщо боятися свого народу, тоді робити нічого — потрібно йти із своїх постів. У Київ на першотравневі свята прибуває велика кількість іноземних туристів, у тому числі і євреї з США, розробляються необхідні заходи»²⁴.

Многие вопросы, формулируемые в беседах с гидами-переводчиками «Интуриста» или «Спутника», без изменений проходят через отчеты трех десятилетий, от середины 1950-х до середины 1980-х гг.: проблема антисемитизма в СССР, подавление иудаизма, отсутствие мемориала в Бабьем Яру, отсутствие еврейских культурно-просветительных учреждений, еврейского образования, свободы эмиграции и т.д. Отрывок из справки «О пребывании в СССР группы туристов из Аргентины», датированной 21 июня 1965 г., представляется типичным:

«Особенно интересовал туристов так называемый “еврейский вопрос” в нашей стране. Как говорили туристы, аргентинская пресса кричит об антисемитизме, о притеснении евреев в Советском Союзе.

Туристы спрашивали, почему у нас в паспортах пишется национальность, почему нет памятника в Бабьем Яру, нет школ с преподаванием на еврейском языке, мало издается газет на еврейском языке, как могла появиться антисемитская книга Кичко в Киеве. Ответы на эти вопросы туристы получили во время беседы в редакции журнала «Советиш Геймланд»»²⁵.

При анализе отчетов о пребывании иностранных туристов в УССР возникает вопрос об их достоверности. Насколько адекватно гиды передавали мысли и мнения иностранцев? Как вспоминал Станислав Пантелюк, многолетний сотрудник киевского отделения ВАО «Интурист», квалифицированный гид-переводчик:

«Написание отчета требовало определенного мастерства, нашему руководству было известно, что иностранцы крайне скептически и негативно относятся к коммунистической идеологии и что наши пропагандистские усилия не приносили никакого результата. Но вносить в отчет все мнения туристов не представлялось возможным, иначе можно было перечеркнуть работу и дальнейшую карьеру. Нужно было создать образ нужный начальству — бойца первой линии идеологического фронта»²⁶.

Иногда гиды и их руководители выбирали отстраненный стиль повествования, стараясь не высказывать свои оценки, придерживались информативного стиля. Так, директор Киевского отделения БММТ «Спутник» В. Маркашов в информации «О реакции иностранных туристов на решение национального вопроса в СССР» от 18 января 1968 г. писал:

«Многие туристы США и Франции очень интересуются Бабьим Яром, есть ли там сейчас памятник и как люди чтут память погибших в годы оккупации Киева, делая ударение на то, что основная масса погибших были евреи и поэтому у нас этому вопросу уделяется недостаточное внимание»²⁷.

Важно отметить повторяемость сюжетов на протяжении десятилетий, их одинаковое звучание и полное отсутствие сколь-нибудь исчерпывающих ответов на поставленные вопросы. Информация «О некоторых высказываниях лиц еврейской национальности, посетивших г. Киев в 1978 году в составе туристских групп из США» вновь обращает внимание на Бабий Яр:

«С 18 по 20 апреля 1978 г. в г. Киеве находилась группа туристов, состоявшая из участников американского колледжа в Париже, членов семей дипломатов и других граждан США. Руководитель группы И. Левин сообщения гида-переводчика комментировал с антисоветских позиций. Под его воздействием туристы задавали вопросы преимущественно предвзятого характера: спрашивали, где находится “еврейское поселение” в Киеве, почему синагога расположена в неблагоустроенном месте города, можно ли посетить Бабий Яр и т.п. Тенденциозность задаваемых туристами вопросов и их высказываний свидетельствует о том, что многие из них, несмотря на внешнюю благожелательность, находятся в плену реакционной буржуазной пропаганды»²⁸.

Руководитель «Интуриста», подписавший отчет, подстраховывал себя так называемыми положительными отзывами:

«Вместе с тем немало туристов из числа лиц еврейской национальности положительно высказывается по поводу своей поездки в СССР, объективно оценивает советскую действительность. Многие туристы выражают удовлетворение и вместе с тем удивление по поводу предоставляемой им возможности посетить Бабий Яр и возложить цветы к памятнику-монументу советским гражданам, военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, погибшим от рук немецко-фашистских оккупантов в районе Сырецкого массива г. Киева, так как перед поездкой в Советский Союз их предупреждали, что в «Киеве будет сделано все, чтобы туристы не попали в Бабий Яр»²⁹.

Маловероятно, чтобы туристы, которые получили собственное впечатление о характере памятника, были на самом деле чрезмерно признательны за возможность посетить место трагедии, этнический характер которой тщательно вытравливался.

Возможность возложить цветы к безликому памятнику устраивала не всех зарубежных гостей. Они по возвращению домой охотно делились впечатлениями об увиденном в Киеве, переставали «вести себя сдержанно» вдали от советских гидов и радовать переводчиков тем, что «открыто не проявляют своего враждебного отношения к советской действительности».

Не только «лица еврейской национальности» находились «в плену сионистских измышлений вокруг Бабьего Яра». Другие категории туристов также задавали неудобные вопросы, которые в СССР было принято называть тенденциозными. Например, в отчете Управления по иностранному туризму при СМ УССР «О пребывании в г. Киеве группы туристов из Франции — мэров и муниципальных советников» (5–9 мая 1979 г.), значилось:

«Во время экскурсий возникали вопросы тенденциозного характера: хотела бы Украина получить самостоятельность и как украинский народ смотрит на централизованную власть Москвы, что случилось с Шелестом и где он сейчас, есть ли еврейская община в Киеве и ее примерная численность, синагога, еврейское кладбище и в каком оно состоянии, сколько погибло евреев в г. Киеве и в Бабьем Яру во время войны, почему в СССР нет забастовок, не потому ли, что они запрещены и т.п.»³⁰

Наиболее квалифицированный и резкий отклик о мемориализации Бабьего Яра был получен в августе 1979 г. от Эли Визеля. Известный общественный деятель, преподаватель и писатель, Э. Визель в 1978 г. был назначен президентом США Д. Картером председателем президентской комиссии по Холокосту (Chairman of the President's Commission on the Holocaust), в 1980 г. стал основателем и председателем Мемориального совета США по Холокосту (the Founding Chairman of the United States Holocaust Memorial Council). Э. Визель посетил Киев в составе специализированной группы в августе 1979 г. В изложении начальника управления по иностранному туризму при СМ УССР В. Добротвора комиссия обозначена «так называемая»:

«2–3 августа 1979 г. в Киеве находилась группа туристов из США в количестве 48 человек, которая представляла так называемую президентскую комиссию по вопросу “Холокост” (расследование массового уничтожения нацистами еврейского населения). В составе группы были члены этой комиссии, представители еврейских общин, преподаватели университетов, бывшие заключенные немецких концлагерей, а также журналисты, фоторепортеры и др. Группу сопровождал Эдвард Сандерс, специальный помощник президента и государственного секретаря США.

Экскурсионная программа произвела на туристов положительное впечатление. Во время экскурсии наряду с вопросами, касающимися различных сторон советской действительности, поднимался и так называемый еврейский вопрос в СССР»³¹.

Отчет производит странное впечатление, так как в нем прослеживается попытка автора пригладить отрицательные отзывы членов комиссии. Так, по словам В. Добротвора, председатель Американской федерации еврейских борцов и жертв фашизма турист Эли Зборовски отметил, что

«в СССР, как ни в одной стране в мире, бережно хранят память о павших на поле боя с фашизмом, поэтому Советский Союз был избран президентской комиссией для посещения»³².

Действия членов президентской комиссии при посещении Бабьего Яра описаны В. Добротвором подробно, присутствует даже абсурдная формулировка «негр по национальности», поведение членов комиссии кажется странным и не вполне адекватным с точки зрения советского человека:

«В Бабьем Яру было организовано возложение венков к памятнику жертвам фашизма с надписью на русском, английском языках и иврите. Байард Растин, негр по национальности, бывший политический советник Мартина Лютера Кинга выступил с краткой речью и в честь погибших спел негритянскую песню, посвященную борцам за свободу. После чего выступил Элис Визель, заявив, что они в США помнят евреев в Бабьем Яру, чтут их память, молятся за них, и что это место задолго до сооружения памятника считалось священным. Затем туристы пели религиозные гимны, молились, всячески подчеркивали свою скорбь»³³.

В отчете есть важный абзац, призванный донести до руководства самое главное: не простой турист, а председатель американской комиссии по Холокосту однозначно обозначил то, о чем уже много лет говорят в мире:

«Перед вылетом в Москву Элис Визель выразил резкое возмущение тем, что на мемориальной доске у памятника вовсе не упоминается о том, что среди расстрелянных немцами советских граждан в большинстве были евреи. Заявил, что по возвращении в США будет этот вопрос поднимать перед своим правительством»³⁴.

* * *

В конце 1970-х гг. идеологический отдел ЦК создал термины, значение которых было ясно только авторам: «сионистская пропаганда трагедии Ба-

бьего Яра» и «клеветнические измышления сионистов вокруг Бабьего Яра». В октябре 1978 г. ЦК КПУ принял постановление «О дополнительных мерах по предупреждению негативных проявлений в республике», в котором это словосочетание было употреблено в таком контексте:

«выпустить в 1980 г. на русском и английском языках документальный фильм на материалах воспоминаний бывших узников Сырецкого лагеря — Островского, Будника, Трубакова и других, разоблачающих фальсификации сионистской пропаганды трагедии Бабьего Яра.

Госкино УССР, Гостелерадио УССР, КГБ УССР»³⁵.

Данный пункт с небольшой редакционной правкой перешел в текст постановления Секретариата ЦК КПУ от 19 марта 1979 г. «Об организации выполнения постановления ЦК КПСС «О мероприятиях по дальнейшему разоблачению реакционной сущности международного сионизма и анти-советской сионистской пропаганды»:

«На основе документальных материалов и свидетельств бывших узников-евреев Сырецкого лагеря военнопленных создать короткометражный фильм, разоблачающий клеветнические измышления сионистов вокруг Бабьего Яра.

Госкино УССР 1980 г.»³⁶.

В январе 1980 г. руководители целого ряда министерств и ведомств УССР подготовили информацию о ходе выполнения указанного постановления ЦК КПСС. Фильм о Бабьем Яре, как и многие другие инициативы, которые требовали особой степени изворотливости со стороны разработчиков, не вышел на стадию изготовления. Председатель Госкино УССР Ю. Олененко отчитывался:

«Тема «Бабий Яр» была предложена для реализации на студии «Укркинохроника» в одной части. Студия провела предварительную работу, определила кандидатуры авторов. Затем, по решению директивных органов, тему передали «Укртелефильму» с расширением ее до четырех частей»³⁷.

Заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КПУ Л. Кравчук заметил на полях документа — «Все три под вопросом», имея в виду, что три антисионистских фильма, которые украинские кинематографисты обязались подготовить к 1980 г., так и остались на уровне сценарной разработки.

В начале 1980-х гг. фильм о Бабьем Яре был готов, о нем есть упоминание в постановлении Политбюро ЦК КПУ от 8 февраля 1983 г. «О меропри-

яттях по усилению противодействия подрывной антисоветской деятельности зарубежных сионистских центров и антиобщественных элементов из числа просионистски настроенных лиц»:

«Периодически демонстрировать по телевидению фильм «Бабий яр — уроки истории», шире использовать при проведении тематических вечеров по разоблачению сионизма документальную ленту «Я хочу рассказать правду»³⁸.

Выходившие в 1960–1980-е гг. многотысячными тиражами статьи и брошюры о «настоящем лице сионизма», о «грязной игре сионистов», выступления по радио и телевидению, тематические вечера и т.п. кормили армию пропагандистов, но не могли решить того вопроса, который серьезно беспокоил советскую власть — еврейскую эмиграцию из СССР.

В сентябре 1983 г. постановлением ЦК КПУ был создан Антисионистский комитет советской общественности Украины. Однако, АКСО особой активности не проявлял, поскольку к тому времени эмиграция сократилась, что было вызвано резким обострением отношений между СССР и Западом в первой половине 1980-х гг. (согласно данным нидерландского посольства в Москве, в 1979 г. было выдана 50 461 виза в Израиль, в 1984 г. — только 890³⁹). Похоже, что тема мемориализации постепенно становилась рутинной и маргинальной для всех сторон противостояния. В последней по времени (14 сентября 1984 г.) попытке осмысления причин эмиграции — в ориентировке отдела пропаганды и агитации ЦК КПУ «О тенденциях в подрывной антисоветской пропаганде зарубежных сионистских центров и мерах по противодействию ей» о «клеветнических измышлениях сионистов вокруг Бабьего Яра» упоминаний нет. Автор ориентировки зав. отделом Л. Кравчук разглядел то, что через пять лет, к концу 1980-х гг. станет доминантой в развитии еврейской жизни в СССР:

«В настоящее время, в связи с резким сокращением выездов евреев из СССР (в республике в сравнении с 1979 г. более чем в 40 раз), акцент в сионистской пропаганде перенесен на инспирирование движения за «свободное развитие еврейской национальной культуры». Изменения в тактике сионистских подрывных центров сказывается и на поведении просионистских лиц в республике. В партийные и советские органы поступают письма и заявления с требованием открыть «еврейские культурные центры», еврейские школы, художественные коллективы»⁴⁰.

Долгое время у местного и республиканского руководства не было необходимости пересматривать политику замалчивания Катастрофы. Кри-

тические высказывания евреев считались продуктом сионистской пропаганды, малочисленные иностранцы в основном общались только с «подготовленными» гидами, а то, что писали в западных газетах, всерьез не воспринималось. Как и многие другие вопросы, подход к проблеме мемориализации изменился под давлением ряда факторов в период перестройки.

Наиболее поздний из выявленных нами документов отражает завершающую стадию «эволюции» взглядов аппарата по вопросу мемориализации Бабьего Яра. В обращении от 16 мая 1989 г. заместителя председателя Антисионистского комитета советской общечественности Ю. Колесникова на имя секретаря ЦК КПУ Л. Кравчука с просьбой об установке мемориальной таблицы на идиш представлена знакомая аргументация уходящей эпохи — есть ссылки на заявления общественности, которые прежде игнорировались:

«В Антисионистский комитет продолжают поступать от отдельных граждан и групп еврейской национальности письма и заявления, в которых содержатся претензии в связи с «недостаточно интернационалистским» подходом к вопросу об увековечивании памяти евреев, погибших в годы Великой Отечественной войны. В частности, большие нарекания вызывает оформление мемориала в киевском Бабьем Яру, где в 1941–1943 гг. фашисты расстреляли более 100 тысяч советских граждан, преимущественно евреев»⁴¹.

Теперь беспокойство АКСО проявляется в том, что «вполне справедливое недовольство может вызвать со стороны лиц других национальностей то обстоятельство, что подобного памятника нет украинцам, русским, белорусам, понесшим огромные потери в результате гитлеровского геноцида». По мысли Ю. Колесникова, сформулированной только в 1989 г., «это обстоятельство стало предметом нежелательных для нашей страны дискуссий и заявлений на страницах зарубежной печати». Вновь, спустя десять лет, было приведено мнение лауреата Нобелевской премии мира (с 1986 г.) Эли Визеля: «Там было убито 80 тысяч евреев — и ни слова о евреях нет. Я взываю к гуманизму Горбачева». Заместитель председателя АКСО обращает внимание на «нездоровую обстановку и спекуляции вокруг якобы имеющего место «официального» замалчивания факта массовой гибели евреев от рук фашистских палачей в Бабьем Яру». Характер обращения в ЦК КПУ носил явные признаки опережающего контрпропагандистского удара: АКСО заботился прежде всего не о восстановлении истины, а был обеспокоен «возможными нежелательными последствиями», вероятным «откровенным антисоветским шабашем».

В ответ на обращение АКСО Киевский горком КПУ «изучил предложение об увековечении памяти евреев, расстрелянных в Бабьем Яру». Летом 1989 г., с учетом заключений, сделанных специалистами, было дано поручение исполкому горсовета установить у памятника «Советским гражданам и военнопленным солдатам и офицерам Советской Армии, расстрелянным в Бабьем Яру» две дополнительные мемориальные плиты на русском и еврейском (идиш) языках.

Начинался следующий, наполненный уже противоречиями другого порядка этап мемориализации жертв Бабьего Яра.

* * *

Рассмотренные в этой статье документы содержат сведения о событиях, удаленных во времени и различных по форме: установка памятника в Бабьем Яру, уровень восприятия Катастрофы идеологами КПУ, спазматические движения аппарата в начале 1980-х гг. по борьбе с «клеветническими измышлениями вокруг Бабьего Яра». При всей кажущейся разновекторности эти тексты свидетельствуют о преемственности подходов. Особая группа документов — это результаты социального мониторинга — отзывы иностранцев, замечания которых механически фиксировали гиды «Интуриста».

Во времена «коллективного руководства» власть отказалась от традиции вести диалог с народом при помощи наиболее грубых форм репрессий, характерных для сталинской эпохи. Одной из характеристик последних трех декад существования советского строя (так называемого «застоя») стало появление организованной оппозиции, дискуссии с которой не предусматривалось. Массовая еврейская эмиграция стала одним из феноменов, изменивших представление о незыблемости сложившейся системы. Требования и просьбы еврейских активистов о приведении в порядок мест захоронений, полемика с властями, в которой принимали участие представители украинской интеллигенции были частью гражданского сопротивления несвободе в СССР.

Выработанный в период позднего сталинизма запрет на любую форму мемориализации выдержал почти 40-летний период номенклатурных ротаций. Лишь принципиальная ломка системы, начавшаяся в эпоху перестройки, заставила идеологический аппарат прислушаться к аргументации противоположной стороны и привела к изменениям на территории Бабьего Яра. Документальные материалы 1960–1980-х гг., приведенные в этой статье, не могут претендовать на полное освещение темы: в оборот не введены материалы областных архивов. Предстоит установить, как подоб-

ные запретительные меры реализовывались на уровне отдельных областей и даже районов: порой случались исключения из правил, и настойчивые местные активисты при невмешательстве местных властей ставили памятники погибшим землякам. Дальнейшие обобщения будут возможны со временем, при открытии большего количества источников, прежде всего, региональных.

Примечания

- ¹ *Мицель М.* Общины иудейского вероисповедания в Украине (Киев, Львов: 1945–1981 гг.). — К., 1998. — С. 17–18.
- ² Там же. — С. 21–22.
- ³ *Мицель М.* Евреи Украины в 1943–1953 гг.: Очерки документированной истории. — К., 2004. — С. 218.
- ⁴ М. Попович дал этому явлению следующую характеристику: «Нічим іншим, як примітивністю масової ідеології пануючої партійно-державницької верхівки, не можна пояснити і той стабільний антисемітизм, який став неписаним законом її політичної поведінки, природним доповненням до матюків, — і природною заміною таких витіснених цивілізацією «ознак народності», як запах самогону» (*Попович М.* Червоне століття. — К., 2005. — С. 667).
- ⁵ *Pinkus B.* The Soviet Government and the Jews: 1948–1967: A Documented Study. — Cambridge: Cambridge University Press, 1984. — 628 p.
- ⁶ Центральний Державний архів громадських об'єднань України (далее — ЦДАГОУ), ф. 1, оп. 31, спр. 2647, арк. 105.
- ⁷ Там само, арк. 110. Спустя 25 лет после трагических событий местные власти не посчитали необходимым уточнить, что в июле 1941 г. в Черновцы вступили части румынской армии.
- ⁸ Там само, спр. 2665, арк. 69–97.
- ⁹ Там само, арк. 42.
- ¹⁰ Там само, ф. 1, оп. 25, спр. 33, арк. 95.
- ¹¹ Антиеврейские процессы в Советском Союзе (1969–1971 гг.): Документы и юридический комментарий. В 2-х т. — Т. 1. — Иерусалим, 1979. — С. 11–12.
- ¹² *Шелест П.* Справжній суд історії ще попереду: Спогади, щоденники, документи, матеріали. — К., 2003. — С. 592.
- ¹³ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 25, спр. 186, арк. 91.
- ¹⁴ Кичко Трофим (1905–?) — кандидат философских наук. По обвинению в пособничестве оккупантам был исключен из КПСС (1948 г.), восстановлен в 1954 г. С 1957 г. — активный автор брошюр и статей, направленных против иудаизма, позже — сионизма. Его публикации привлекли внимание Запада, были рассмотрены и осуждены Комиссией ООН по правам человека (1964). Вплоть до начала 1980-х гг. привлекался Киевским горкомом КПУ для чтения лекций, выступал на страницах республиканской прессы.
- ¹⁵ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 25, спр. 186, арк. 32.
- ¹⁶ *Наулко В.* Етнічний склад населення Української РСР. — К., 1965. — С. 94.
- ¹⁷ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 25, спр. 186, арк. 34.
- ¹⁸ Там само, арк. 33.
- ¹⁹ Там само, арк. 59.
- ²⁰ Там само, спр. 1044, арк. 59.
- ²¹ Там само, арк. 148.
- ²² Там само, спр. 110, арк. 125.

²³ Там само, спр. 1775, арк. 91а.

²⁴ *Шелест П.* Зазн. праця. — С. 369.

²⁵ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 24, спр. 6047, арк. 146.

²⁶ Архив автора. Интервью от 15 апреля 2005 г.

²⁷ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 25, спр. 115, арк. 28.

²⁸ Там само, спр. 1775, арк. 91а.

²⁹ Там само, арк. 91в.

³⁰ Там само, спр. 1970, арк. 87.

³¹ Там само, арк. 103.

³² Там само, арк. 104.

³³ Там само.

³⁴ Там само, арк. 105.

³⁵ Там само, спр. 1720, арк. 197.

³⁶ Там само, оп. 10, спр. 3517, арк. 21.

³⁷ Там само, спр. 3519, арк. 101.

³⁸ Там само, оп. 11, спр. 585, арк. 70.

³⁹ *Buwalda P.* They did not dwell alone: Jewish emigration from the Soviet Union, 1967–1990. — Washington, 1997. — P. 221.

⁴⁰ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 25, спр. 2720, арк. 35.

⁴¹ ЦДАГОУ, ф. 1, оп. 32, спр. 2558, арк. 111.